

После объявления по громкой связи все зашептались, обсуждая, какие вопросы задать.

Какой вопрос будет считаться недействительным?

Никто не понимал, и никаких дополнительных подсказок не было. В аудитории, кроме заместителя преподавателя на кафедре, была только Бабушка Лю, номер 521, в конце комнаты. Но способности Бабушки Лю они уже видели, поэтому не решались действовать.

Через минуту встал только Цзинь Кэ и спросил:

— Книга, которая всё время ноет, разве это не просто издевательство над нами, мужчинами?

Хун-Хун улыбнулась, взглянула на Цзинь Кэ и мягко сказала:

— Студент Цзинь Кэ, вопрос недействителен.

В следующую секунду Бабушка Лю в конце аудитории открыла глаза, и её длинная механическая рука устремилась к Цзинь Кэ, схватила его, вытащила через окно и повесила снаружи аудитории.

— Ааааааа—

Остальные в аудитории не смели пошевелиться.

Этот случай напомнил им, что нельзя говорить что попало и задавать глупые вопросы, иначе Бабушка Лю в конце аудитории «гостеприимно» их примет.

Бабушка Лю устроилась поудобнее, даже не взглянув на них, и снова закрыла глаза, заряжаясь, словно вытянутая механическая рука была не её.

Чэн Юй, наблюдая за происходящим с Цзинь Кэ, положил ручку и повернулся к Гу Ши:

— Вопрос действителен или нет, решает только заместитель преподавателя, у нас нет возможности оспорить её решение. Как ты думаешь?

Гу Ши посмотрел на него и сказал:

— Он не справился, но это не значит, что другие не смогут.

— Что ты имеешь в виду?

— У каждого своя специализация, — Гу Ши указал на учительницу Сюй Инь у входа в аудиторию.

Чэн Юй вдруг улыбнулся, как он мог забыть об этой учительнице.

Есть поговорка: «Знай себя и знай своего врага, и ты выиграешь сто сражений». Поэтому, по сравнению с мужчинами, кто лучше понимает женщин, чем сами женщины.

Сюй Инь не особо впечатлилась происшествием с Цзинь Кэ. Она подняла правую руку, и Хун-Хун взглянула на неё, затем сказала:

— Говорите.

— Она даже сказала «пожалуйста»? — Чэн Юй подпер подбородок рукой, глядя в сторону Сюй Инь.

Рядом Гу Ши положил ручку и посмотрел туда же:

— Поднять руку, чтобы задать вопрос учителю, разве это не базовый этикет?

Чэн Юй повернулся:

— Точно, как я мог забыть.

Они продолжили наблюдать за Сюй Инь.

Сюй Инь глубоко вдохнула, расслабила выражение лица, на котором появилась лёгкая улыбка, и мягко спросила:

— Скажите, пожалуйста, Дайюй пошла в дом Цзя добровольно или её заставили?

Хун-Хун:

— И то, и другое. Студентка Сюй Инь, садитесь.

Что это за вопрос? Спросить так, всё равно что не спрашивать вообще.

Чэн Юй переводил взгляд между Сюй Инь и Хун-Хун, затем замолчал на несколько секунд и сказал:

— Очевидно, Сюй Инь читала «Сон в красном тереме», поэтому она знает контекст входа Линь Дайюй в дом Цзя. Но сейчас вопрос в том, что вопрос Сюй Инь касается событий до входа Линь Дайюй в дом Цзя, то есть он не имеет прямого отношения к сегодняшнему уроку, но является его предпосылкой. Поэтому...

— Поэтому ты что-то понял? — спросил Гу Ши.

— Поэтому Сюй Инь задала вопрос намеренно, но, возможно, эта заместительница просто не любит нас, мужчин? — наконец выдал из себя Чэн Юй.

Гу Ши:

— ...

С таким отношением, возможно, она действительно тебя не любит.

После того как Сюй Инь задала вопрос и села, она посмотрела на Сюй Тин рядом с собой и кивнула. Сюй Тин подняла руку, Хун-Хун кивнула. Девочка встала, её сладкий голос прозвучал вежливо и уверенно:

— Скажите, пожалуйста, почему папа Линь не проводил Дайюй в дом Цзя сам?

— Кто такой папа Линь? — раздался мужской голос за спиной Чэн Юя.

— Линь Жухай, — ответила женщина.

— Я всегда думал, что Цзя Юйцунь её отец.

— Я серьёзно сомневаюсь, что твои мозговые клетки вообще работают. Цзя Юйцунь её отец? Ты даже не заметил, что она носит фамилию Линь. Её отец Линь Жухай, а мать Цзя Минь.

...

Чэн Юй повернул голову и увидел, что это Ван Ло и Ю Цзя.

Похоже, среди них всё же есть чудаки.

Хун-Хун ответила так же, как и предыдущим двум:

— Немногие тести любят зятьёв. Студентка Сюй Тин, садитесь.

— Вау, девочка задала действительно интересный вопрос! — тихо засмеялась Ю Цзя.

Ван Ло не понял, но его лицо выражало беспокойство, потому что слова Ю Цзя задели его:

— Цзяцзя!

Ю Цзя усмехнулась:

— Когда ты на мне женишься, тогда поймёшь, в чём смысл этого вопроса. Девочка наивна, не знает жизни. Возможно, она, как и Линь Дайюй, тоже ребёнок, живущий на чужбине.

Её слова, не слишком громкие, но и не тихие, услышали Чэн Юй и Гу Ши.

Очевидно, эта Ю Цзя тоже знала, как задать правильный вопрос.

Чэн Юй почувствовал, что этот раунд вопросов для них, мужчин, будет не самым приятным.

Он серьёзно отвел взгляд и задумался.

Время продолжало идти, и все в уме рассчитывали свои ходы. Заместительница преподавателя на кафедре стояла, как статуя, неподвижно, словно пока никто не задаст вопрос, она не заговорит и не пошевелится.

На белой стене в левом верхнем углу доски висели электронные часы. Чэн Юй посмотрел на них: 00:05:48.

Очевидно, это был обратный отсчёт.

Что будет, если они не зададут вопросы за десять минут? Никто не знал, но сейчас у Чэн Юя сильно дёргался глаз.

Он глубоко вдохнул, не мог же он всё время позволять женщинам идти первыми, хотя он не слишком глубоко понимал «Сон в красном тереме». Он уже начал вставать, когда Гу Ши одной рукой прижал его к стулу.

Гу Ши встал и спросил:

— Здравствуйте, учитель! Скажите, пожалуйста, Цзя Баоюй действительно разбил нефритовую подвеску или это был спектакль?

Чэн Юй:

— !!!

Дружище, ты в порядке? Цзинь Кэ всё ещё висит снаружи!

Хун-Хун рассмеялась. Это был первый раз, когда Чэн Юй услышал её смех, и он вдруг почувствовал озноб.

Гу Ши спокойно смотрел на кафедру, словно этот смех никак на него не повлиял. Он стоял прямо, с поднятой головой. Чэн Юй, подперев щеку рукой, сбоку заметил, что с этого ракурса нос Гу Ши был очень выразительным, с чёткими чертами, а его брови и взгляд излучали мужественность. Если бы он жил в древности, наверняка был бы великим полководцем.

В аудитории воцарилась тишина.

Это не к добру.

Есть поговорка: «Либо в тишине взорвёшься, либо в тишине умрёшь». [□]

И Гу Ши с ними сейчас находился в этом состоянии.

Хун-Хун медленно опустила голову и замолчала. Через четыре-пять секунд она подняла её, и её лицо, которое раньше казалось нормальным, теперь стало бледным, с кроваво-красными губами и зловещей улыбкой, что было её истинным обликом.

— А ты как думаешь?

Как только она произнесла это, её волосы, как стрелы, отделились от тела и устремились к Гу Ши.

Чёрт!!!

В криках ужаса Чэн Юй схватил Гу Ши и упал на пол.

Волосы Хун-Хун, как выпущенные из лука стрелы, неслись неудержимо.

Бум-бум-бум-бум-бум-бум—

Пучок волос пробил несколько аудиторий, прежде чем застрял в стене одной из них.

Шум разбудил Бабушку Лю, номер 521, которая спала, заряжаясь. Она открыла глаза, встала, одной рукой вытащила зарядный кабель из головы, а другой механической рукой вытащила потерявшего сознание Цзинь Кэ снаружи и бросила его обратно. Затем она потянулась и подошла к стене, через которую прошли волосы Хун-Хун, посмотрела и равнодушно сказала:

— Кто из вас пойдёт заберёт это?

Остальные:

— ???

Ты уверена, что зарядилась?

Гу Ши помог Чэн Юю встать. Если бы он не схватил его в тот момент, учитывая скорость полёта волос, он мог бы серьёзно пострадать.

[] Ссылка на известное высказывание Лу Синя: «Молчание, молчание! Если не взорвёшься в молчании, то умрёшь в молчании!»

<http://bllate.org/book/16242/1459845>